

Введение

Первая мировая война 1914 – 1918 гг., будучи рубежом между двумя эпохами и прологом «короткого» XX века, внесла кардинальные изменения в жизнь населения государств, которые в ней участвовали. Масштабные перемещения населения воюющих стран имели место не только в годы войны, но и долгое время после ее окончания. Для некоторых государств, в том числе для России, на длительность миграционных процессов, связанных с войной, повлияли последующие внутренние и внешние события. Эта война стала первой в распространении практики массового интернирования неприятельских подданных и применения различных репрессий в отношении считавшихся нелояльными групп населения в обоих противоборствующих блоках. Причины и условия, в которых данное отношение к неприятельским подданным стало возможным, формировались на протяжении «долгого» XIX столетия с эпохи Великой Французской революции, когда появилась идея «воюющей нации». В течение этого периода европейские страны постепенно вводили систему всеобщей воинской повинности и резерва на случай масштабной войны. Кроме того, в предшествующие Великой войне десятилетия возрастание мобильности населения Старого света привело к увеличению числа выходцев из соседних стран, прибывших на короткое или длительное время в разные страны Европы. Когда летом 1914 г. разразилась первая мировая война, то государства, принадлежащие к противоборствующим блокам, начали широко использовать репрессивную политику в отношении иностранцев, принадлежащих к вражеским странам. Такие иностранцы считались опасными и подозрительными вследствие их возможного призыва в армии противника или использования для шпионских целей. Также репрессии коснулись и некоторых категорий своих граждан, чья лояльность была поставлена под сомнение по причине их этнического и/или религиозного происхождения. Кампания против неприятельских подданных включала в себя интернирование и принудительное выселение в отдаленные от театров военных действий районы, меры по контролю и ограничению передвижения. Также кампания затронула собственность этой категории населения, отразилась существенным образом на их участии в разных сферах экономики и культуры. В значительной мере она была направлена на предотвращение

поступления потенциальных военнослужащих в армии противника, а также на пресечение шпионской деятельности и других враждебных действий в отношении своей страны. Кроме того, были ограничены землевладение и землепользование вражеских подданных, владение ими собственностью и капиталами, участие в промышленности и торговле. Все эти меры сопровождались широкомасштабной кампанией в печати, которая создавала психологически нетерпимую атмосферу вокруг этой части населения.

Фактически в годы войны оба противоборствующих блока проводили политику интернирования и ограничения прав неприятельских подданных, что объяснялось соображениями национальной безопасности в военное время. При этом почти все государства, участвовавшие в первой мировой войне, проводили репрессии и вводили разные ограничения для выходцев из вражеских государств и своих граждан, обвиненных в нелояльности¹. В разных странах эти меры существенно различались по масштабности и степени жестокости, что было связано с целым рядом причин и условий развития этих государств в довоенный и военный периоды. Одной из причин репрессий являлись настроения и симпатии, существующие среди этих слоев, а также планы неприятеля в их отношении, которые не могли не привлекать внимания органов контрразведки еще в довоенный период. Не последнюю роль

¹ Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны / Эрик Лор; перевод с английского В. Макарова. – М., 2012. – С. 10; Котек Ж., Ригуло П. Век лагерей: лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний. М., 2003; Энциклопедия изгнаний: Депортация, принудительно выселение и этническая чистка в Европе в XX веке / редкол.: Д. Брандес, Х. Зундхауссен, Ш. Требст; при участии К. Кайзеровой, К. Рухневича; отв. ред. Д. Мешков; [пер. с нем. Л.Ю. Пантиной]. М., 2013; Талергофский альманах. Пропамятная книга австрийских жестокостей, изверств и насилий надь карпато-русским народом во время Всемирной войны 1914–1917 гг.. – Львов: Издание «Талергофского Комитета». 1924–1932. – Вып. 1–4 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zaistinu.ru/old/ukraine/church/almanah1-x.shtml>. (дата обращения: 5.02.2016); Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX – XX вв. М., 2001. – С. 140 – 158; Германские источники о геноциде армян: Период первой мировой войны: Сб. док. и мат. В 2-х томах / Сост.: С.С. Степанян, Н.К. Багдасарян, Под ред. С.С. Степаняна. – Т.1. – Ер., 1991. – 378 с., 20 вкл. [Электронный ресурс]. URL: http://vk.com/doc-23433303_385507742?hash=d4a0a7e025b4bb8309&dl=01241045cac6aa22b5 (дата обращения: 5.02.2016) и др.

играло положение этих групп в разных сферах внутренней жизни, а также характер рассматриваемых в связи с этим угроз. Однако полностью нельзя объяснить общественные настроения эпохи мировой войны только этими рациональными причинами. Не следует забывать, что национализм военного периода в значительной степени был связан с чувствами и эмоциями людей, и в проведении этих кампаний в годы серьезных испытаний для всей внутренней системы, было много иррационального, связанного с коллективными страхами и ожиданиями.

Безусловно, между интернированием около 5 тысяч человек в Австралии, которая находилась в выгодных географических условиях вследствие ее островного характера и удаленности от основных театров военных действий², и кампанией против неприятельских подданных и обвиненных в нелояльности собственных подданных в Российской империи, общее число которых современные историки оценивают приблизительно в миллион человек³, существовала разница, и в масштабах, и в последствиях для внутренней жизни. С другой стороны, в истории противоборствующих стран периода Великой войны вряд ли можно найти что-нибудь сопоставимое по жестокости и количеству жертв с политикой Османской империи в отношении собственного армянского населения. Часть историков называют данные события, в основном развернувшиеся в 1915 – 1916 гг., одним из первых геноцидов⁴, в результате которого погибло по разным оценкам от сотен тысяч до 1,5 млн. человек⁵.

К сожалению, до сих пор отсутствуют обобщающие работы, в которых бы проводилось всестороннее сравнение политики стран

² Лор Э. Указ. соч. – С. 204.

³ Там же. – С. 9.

⁴ Энциклопедия изгнаний: Депортация, принудительно выселение и этническая чистка в Европе в XX веке. – С. 34, 117.

⁵ Общее число депортированных армян колеблется в пределах от полутора миллионов (такую цифру приводят армянские публицисты) до полумиллиона человек – последнюю цифру назвал в 1919 году турецкий министр внутренних дел и признал Мустафа Кемаль. При этом соотношение погибших к общему числу депортированных армян остается одним и тем же – две трети. См.: Котек Ж., Ригуло П. Век лагерей: лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний. М., 2003. – С. 628; Еремеев Д.Е., Мейер М.С. История Турции в средние века и новое время: Учеб. пособие. М., 1992. – С. 242 и др.

Антанты, в том числе Российской империи, и Четверного союза в этой сфере, и ее результатов в отношении вражеских и своих подданных, обвиненных в нелояльности, в годы первой мировой войны. При этом, отдельные зарубежные и отечественные исследователи допускают в своих работах сравнительные характеристики при оценке репрессивной политики в странах обоих противоборствующих блоков. Зарубежный исследователь Э. Лор в своей работе, посвященной Российской империи, указывая в одном месте, что в оценке интернированных «отсутствуют крайне важные цифры для Габсбургской и Османской империй», в другом месте делает вывод, что «фактически кампания против вражеских подданных в России во время войны во многом схожа с проводившимися тогда же кампаниями в Османской империи (против игравших значительные роли армян, греков и других иностранных, торговых диаспор)»⁶. В свою очередь, российский исследователь В.З. Акопян расставляет акценты иным образом: «при всей трагичности и неоправданности репрессивной политики в отношении немцев в период Первой мировой войны она совершенно несопоставима с геноцидом армянского народа, осуществленного 100 лет назад в Османской империи»⁷.

По сравнению с гибелью многочисленного армянского населения в Османской империи или массовыми депортациями в Российской империи, безусловно, меньшими масштабами отличались убийство австро-венгерскими военными около 30 тысяч русинов Галиции и Буковины в августе-сентябре 1914 г.⁸ и интернирование нескольких десятков тысяч своих подданных, обвиненных в симпатиях к России. Однако, в отличие от азиатской Турции или от России, которую на Западе считали учеником, только собирающимся «из года в год и из века в век» влиться в Европу⁹, эти события имели место в стране, признанной одним из центров европейской культуры и гуманизма.

⁶ Лор Э. Указ. соч. – С. 17.

⁷ Акопян В.З. Отношение к первой мировой войне дисперсных этносов Юга России // ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 53. М.: ИВИ, 2015. – С. 256.

⁸ Энциклопедия изгнаний: Депортация, принудительно выселение и этническая чистка в Европе в XX веке. – С. 496.

⁹ Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. – С. 156.

В Российской империи кампания против неприятельских подданных затронула уроженцев Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии. При этом кампания против вражеских подданных была тесно связана с кампанией по борьбе с так называемым немецким засильем, затронувшей в разной степени такой массовый и влиятельный слой населения, как российские немцы. С самого начала войны эта политика коснулась германских подданных, многие из которых занимали важные позиции в экономике. Также ее объектом стали выходцы из Империи Габсбургов, большинство из которых вследствие принадлежности к славянским национальностям, рассматривались как более лояльные и в связи с этим репрессии затронули их в меньшей степени. Осенью 1915 г. к «австрийским» славянам добавились немногочисленные болгарские подданные, политика по отношению к которым также строилась из учета их принадлежности к славянскому миру. И, наконец, эта кампания с осени 1914 г. была распространена на турецких подданных. Последние, среди которых преобладали люди мусульманского вероисповедания, занимали менее влиятельные позиции в российской экономике и социальной структуре российского общества. При этом, в России данная государственная политика и общественная кампания затронули также широкие слои российских подданных, обвиненных в нелояльности вследствие страны происхождения, этнической и конфессиональной принадлежности. При этом, определенное влияние на позицию российских военных и гражданских властей оказали планы и политика противника в отношении использования этих национальностей, недовольных своим положением, прежде всего многочисленного еврейского населения, против Российской империи¹⁰. Однако, в целом политика российской власти в отношении евреев и кампания по их выселению из западных губерний России в годы первой мировой войны не рассматриваются в данной работе.

Кампания против неприятельских подданных включала в себя интернирование, депортацию, а также ограничение имущественных и земельных прав, вплоть до конфискации собственности вражеских выходцев. В России выходцев из стран вражеского лагеря,

¹⁰ Кенен Г. Между страхом и восхищением: «Российский комплекс» в сознании немцев, 1900 – 1945. М., 2010. – С. 54, 80 – 82.

сохраняющих подданство своей исторической родины, называли гражданскими пленными, военнообязанными или военнопленными. В отдельных документах можно также встретить такой термин, как «мирно пленный» в применении к этой группе населения¹¹. Также в документах органов власти и управления для обозначения вражеских выходцев, прежде всего невоеннообязанного возраста или женского пола, использовалось обозначение принадлежности к странам противника.

В монографии анализируется проведение кампании против германских и австрийских подданных на примере отдельного региона – Центра России, с упором на документы по Рязанской губернии, дополненные материалами других губерний этой части Европейской России. В первой части также рассматривается региональный аспект кампании по борьбе с «немецким засильем», которая коснулась не только вражеских подданных, но и российских немцев. Кроме того, эта кампания была тесно связана с мерами против шпионажа противника, которые обернулись всплеском шпиономании и подозрительности в далеких от фронта регионах. Предпринята попытка показать специфику этих процессов в центральных губерниях, а также роль провинциальной печати в них. Также показана взаимосвязь общественных настроений в сфере борьбы с немецким засильем и шпиономании с реальными действиями, которые достигли высшего накала во время московских погромов в конце мая 1915 г.

Также анализируется экономический аспект кампаний против неприятельских подданных и по борьбе с «немецким засильем», в том числе в аграрной сфере, где политика власти и общественная инициатива способствовали росту крестьянских ожиданий, чрезвычайно опасных в многомиллионной крестьянской стране. Все многообразие подданных противников России включало в себя также представителей различных славянских народов Центральной Европы. В отдельной главе рассматриваются особенности проведения данной кампании по отношению к этой части неприятельских подданных в условиях значимости для поздней Империи славянского вопроса вообще, в том числе польского и галицкого вопросов

¹¹ ГАРО (Государственный архив Рязанской области). Ф. 4. Оп. 77. Т. 8. Д. 4440. Л. 1135.

в частности, а также того пропагандистского фона, который создавала и поддерживала российская печать.

Во второй главе монографии на основе источников, впервые вводимых в научный оборот, рассматриваются вопросы нахождения в Центре России турецких и болгарских подданных, высланных туда из разных частей страны. Указывается численный состав турецких подданных, при этом предпринята попытка выделить всю этническую и конфессиональную пестроту контингента высланных «турок». Рассматриваются вопросы размещения, трудоустройства и повседневности, а также отношений с местным населением и представителями местной власти этой части вражеских подданных. На основе анализа различных документов исследуется вопрос интеграции турецких подданных в российское общество в период мировой войны как часть темы аккультурации и ассимиляции иностранцев в поздней Российской империи. Тематика эта чрезвычайно важна для понимания специфики складывания и развития Российского государства в имперский период и происходящих в ней процессов в сфере отношений власти и общества, а также межнациональных и межкультурных отношений внутри страны.

Во второй части рассматривается положение гражданских пленных в период российских революций и гражданской войны. При этом основное внимание уделено процессам постепенной реабилитации и репатриации неприятельских подданных на фоне завершающего этапа первой мировой войны и сложных международных отношений после ее окончания. Также в этой части рассматриваются вопросы интеграции бывших неприятельских гражданских пленных и военнопленных в раннее советское общество.

Хронологические рамки исследования охватывают период с июля 1914 г. до 1923 г., с начала первой мировой войны и первых репрессий в отношении германских и австрийских подданных, до окончания репатриации гражданских пленных и военнопленных из Рязанской губернии.

На протяжении неполного столетия, прошедшего после окончания Великой войны, в нашей стране и за рубежом написано значительное число работ, посвященных кампании против вражеских подданных, развернувшейся в годы первой мировой войны. Тема интернирования и высылки неприятельских подданных тесно связана с изучением кампании по борьбе с «немецким засильем» в годы войны,

которая была направлена, в том числе и на российских подданных немецкого происхождения, их собственность и влияние в стране.

В отечественной историографии советского периода вопросы интернирования, депортаций и репрессий в отношении неприятельских подданных и российских немцев не принадлежали к разряду приоритетных в изучении «империалистической войны», равно как и тематика военного плена, превратившаяся в «довесок» Великого Октября¹². В 20-е годы отдельные исследователи касались данных вопросов, затрагивая их в основном в рамках изучения других тем¹³. В частности, московские немецкие погромы, рост антинемецких настроений и шпиономании в стране рассматривались в рамках изучения революционного движения в годы войны. Согласно советским историкам 20-х годов, антинемецкая кампания и московские погромы были организованы правительством, чтобы направить энергию народного недовольства на немцев¹⁴.

В начале 40-х годов, когда отечественным исследователям, изучающим историю предшествующей войны с Германией, по ряду причин было сложно оставаться беспристрастными, была опубликована работа, посвященная немецкому шпионажу в годы первой мировой войны¹⁵. Приводя множество ценных и интересных фактов о германском шпионаже в России, авторы, тем не менее, преувеличивали его масштабы. Касаясь вопроса немецкой колонизации и экономического проникновения германского капитала в Россию перед войной, они писали, что в конце XIX – начале XX вв. «как переселением немцев в пределы России, так и созданием здесь торгово-промышленных фирм и обществ руководил германский генеральный штаб»¹⁶.

В 60 – 80-е годы вышло несколько работ, посвященных различным аспектам кампании по борьбе с «немецким засильем», в кото-

¹² Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции (1914 – 1922 гг.). М., 2014. – С. 33.

¹³ Меницкий Ив. Революционное движение военных годов (1914 – 1917). Очерки и материалы. М., 1925; Семенников В.П. Романовы и германские влияния во время мировой войны. Л., 1929 и др.

¹⁴ Меницкий Ив. Указ. соч. – С. 262.

¹⁵ Никитинский И., Софинов П. Немецкий шпионаж в России во время войны 1914 – 1918 гг. [Москва], 1942.

¹⁶ Там же. – С. 30.

рых также затрагивались вопросы репрессивной политики в отношении неприятельских подданных. В 1968 г. в сборнике «Первая мировая война» была опубликована статья В.С. Дякина, который коснулся политики российской власти в отношении немецкого землевладения и землепользования. При этом исследователь заострил внимание на ее классовом и ограниченном характере при царском режиме, а также коснулся разрушительных последствий для аграрных отношений и самого царизма¹⁷. Также исследователь внес значительный вклад в изучение проникновения германского капитала в российскую экономику в эпоху империализма и в исследование кризиса Российской империи в годы войны¹⁸.

С 90-х годов прошлого века количество работ, посвященных кампании против неприятельских подданных, стало возрастать. С этого времени данная проблематика стала важной частью отечественной историографии Великой войны¹⁹. Отдельные зарубежные исследователи также внесли существенный вклад в разработку данной темы²⁰. Интерес к данной проблематике среди отечественных и зарубежных историков сохраняется и в настоящее время. При этом значительное число публикаций появилось в год столетней годовщины начала войны²¹. В ряде работ, посвященных военнопленным и

¹⁷ Дякин В.С. Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого «немецкого засилья» // Первая мировая война. М., 1968 – С. 227 – 238.

¹⁸ Дякин В.С. Германские капиталы в России (электроиндустрия и электрический транспорт). Л., 1971; Он же. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914 – 1917). Л., 1967 и др.

¹⁹ Нелипович С.Г. Репрессии против подданных «центральных держав» // Военно-исторический журнал. 1996. № 6. С. 32 – 42; Он же. Генерал от инфантерии Н.Н. Янушкевич: «Немецкую пакость уволить и без нежностей»: депортации в России 1914 – 1918 гг. // Военно-исторический журнал. 1997. № 1. С. 42 – 53; Он же. Проблема лояльности российских немцев в конфликтах XX века: историография вопроса и круг источников // Немцы России и СССР, 1901 – 1941 гг.: Материалы международной научной конференции. М., 2000. – С. 365 – 380; Алишина Г.Н. Российская империя в годы первой мировой войны (1914 – 1917 гг.): В поисках «Внутреннего врага» // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 4 (20). С. 86 – 90 и др.

²⁰ Деннингхаус В. Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494 – 1941). М., 2004; Он же. Революция, реформа и война: немцы Поволжья в период заката Российской империи. М., 2015; Лор, Э. Указ. соч. и др.

²¹ Герман А. Подвиг ефрейтора Эрентауга. // Родина. 2014. № 8. С. 118 – 120; Гуриянова С.И. Отношение населения Вятской губернии к военнопленным иностранным подданным в 1914 – 1916 гг. // Первая мировая война и националь-

беженцам первой мировой войны, вопросы борьбы с «немецким засильем», интернирования и репрессий в отношении неприятельских подданных занимают подчиненное положение²². Постсоветский этап развития отечественной историографии принес значительное количество работ, в которых анализируются разные аспекты кампании по борьбе с «немецким засильем». К настоящему времени такие работы исчисляются десятками²³, в том числе появилось несколько диссертационных исследований²⁴. При этом, современные историки рассматривают различные аспекты данной кампании, в том числе анализируются роль российских общественных организаций в этой кампании²⁵ и отношение местного населения к высланным и мест-

ный вопрос: сб. статей по материалам международной научной конференции (г. Пермь, Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 22 – 23 мая 2014 г.). Пермь, 2014. С. 125 – 129; Карцева Н.П., Подпратов Н.В. Кампания против «внутренних врагов» Российской империи в 1914 – 1917 годах. // Первая мировая война и национальный вопрос: сб. статей по материалам международной научной конференции (г. Пермь, Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 22 – 23 мая 2014 г.). Пермь, 2014. С. 137 – 142; Пылькин В.А. Интернированные «вражеские подданные» в Рязанской губернии в годы первой мировой войны // Неизвестная Отечественная война 1914 – 1918 гг.: историко-краеведческий аспект (к 100-летию со дня начала войны): сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., 29 – 30 сентября 2014 г./ отв. ред. Ю.В. Гераськин; Ряз. гос. ун-т имени С.А. Есенина, 2014. – С. 99 – 103 и др.

²² Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М., 2014; Она же. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. М., 2011; Калякина А.В. Под охраной русского великодушия. Военнопленные Первой мировой войны в Саратовском Поволжье (1914 – 1922). М., 2014; Пылькин В.А. Военнопленные Австро-Венгрии, Германии и Османской империи на Рязанской земле в годы мировой войны и революции. М., 2013; Суржикова Н.В. Указ. соч. и др.

²³ Кириллов В.М. Современная отечественная историография кампании «борьбы с немецким засильем» в годы первой мировой войны // Вестник Пермского Университета. История. 2015. Выпуск 2 (29). – С. 88.

²⁴ Савинова Н.В. Российский национализм и немецкие погромы в России в годы первой мировой войны (1914 – 1917 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2008; Соболев И.Г. Борьба с «немецким засильем» в России в годы первой мировой войны: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1998; Шубина А.Н. Отношение власти и общества к проблеме так называемого немецкого засилья в России в годы Первой мировой войны: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2012.

²⁵ Туманова А.С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., 2014.

ным немцам²⁶. В целом, в современной российской литературе преобладает взгляд на эту кампанию, как «не имевшую объективных экономических причин и трагичную по своим последствиям»²⁷.

Перемены в российской исторической науке в конце XX столетия, связанные с заполнением историографических лакун и более широким доступом к архивам, а также изменения конъюнктурного характера, в том числе возросший интерес к истории национальных и иных меньшинств, привели к значительному увеличению публикаций, посвященных истории российских немцев периода Российской империи и раннего СССР²⁸. В рамках изучения истории этой части населения России многие отечественные и зарубежные авторы обратились к исследованию конкретных региональных групп российских немцев в начале XX века и в годы первой мировой войны²⁹, в том числе немцев Поволжья³⁰ и некоторых губерний Центра России³¹. При этом, при изучении истории немцев в России в эпоху первой мировой войны исследователи избирают разный ракурс рассмотрения и описания исторических процессов. Многие из них обращаются к этнической идентификации, выделяя немцев в

²⁶ Семенова Е.Ю. Отношение горожан Поволжья к гражданскому немецкому населению в годы первой мировой войны // Вестник Военного университета. 2011. № 1 (25). С. 139 – 144.

²⁷ Соболев И.Г. Борьба с «немецким засильем» в России в годы первой мировой войны. СПб., 2004. – С. 132.

²⁸ Чернова Т.Н. Российские немцы. Отечественная библиография, 1991 – 2000 гг.: Указ. новейшей лит. по истории и культуре немцев России. М., 2001.

²⁹ Алишина Г.Н. Немцы Томской губернии в конце XIX – начала XX в.: стратегия и практика диаспорализации: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2013; Бахарева О.Я. Немецкое городское население Оренбургской губернии (конец XVIII – начало XX века): Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. Оренбург, 2007; Деннингхаус В. Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494 – 1941). М., 2004; Немцы России и СССР, 1901 – 1941 гг.: Материалы международной научной конференции. М., 2000; Тюлюлюкин Е.Ф. Российские немцы в истории Оренбуржья (конец XIX – XX вв.). Оренбург, 2006. [Электронный ресурс]. URL: http://infoedarea.ucoz.ru/my_files/0101.pdf (дата обращения 18.01.2016) и др.

³⁰ Воронежцев А.В. Немецкие колонисты в Поволжье в годы первой мировой войны (На материалах Саратовской и Самарской губерний) // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871 – 1941 гг.). М., 2002. – С. 71 – 94; Деннингхаус В. Революция, реформа и война: немцы Поволжья в период заката Российской империи. М., 2015.

³¹ Немцы Тульского края. Тула: Левша, 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rummuseum.ru/portal/node/787> (дата обращения: 20.03.2016).

отдельную группу³², не зависимо от их подданства. В другом случае историки обращаются к государственной принадлежности³³, разделяя российских и неприятельских подданных одного этнического происхождения, и рассматривая последних вместе с многочисленными военнопленными, захваченными на поле брани.

Вопросы выселения и положения внутри страны неприятельских подданных славянского происхождения, например, таких как поляки и русины, обычно рассматриваются сквозь призму истории соответствующей национальной группы, вне зависимости от государственной принадлежности³⁴, либо в рамках истории завоевания и оккупации русскими войсками конкретных регионов – Галиции и Буковины³⁵.

Турецким подданным, оказавшимся в России в годы войны, также посвящено несколько работ, вышедших за последние годы³⁶. Сре-

³² Этот подход положен в основу многих научных конференций, которые проводятся в России с 90-х гг. прошлого века и которые делают предметом своего рассмотрения всех немцев, проживавших в Российской империи XIX – XX вв., вне зависимости от государственной принадлежности. См. напр.: Немцы России и СССР, 1901 – 1941 гг.: Материалы международной научной конференции. М., 2000; Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871 – 1941 гг.). М., 2002 и др.

³³ Этот ракурс рассмотрения характерен для ряда работ, авторы которых касаются проблемы интернирования и высылки неприятельских подданных в рамках изучения истории военного плена в России в годы войны. См. напр.: Калякина А.В. Под охраной русского великодушия. Военнопленные Первой мировой войны в Саратовском Поволжье (1914 – 1922). М., 2014; Пылькин В.А. Военнопленные Австро-Венгрии, Германии и Османской империи на Рязанской земле в годы мировой войны и революции. М., 2013; Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции (1914 – 1922 гг.). М., 2014 и др.

³⁴ Смирнова Т.М. Организация помощи польским беженцам и раненым в Петрограде в годы первой мировой войны // Межвузовская научная конференция «Россия в первой мировой войне: проблемы истории и историографии». Сборник докладов. Санкт-Петербург. 28 ноября 2014 – С. 88 – 101.

³⁵ Бахтурина А.Ю. Окраины российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914 – 1917 гг.). М., 2004; Она же. Политика Российской Империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны / Серия «Первая монография» под редакцией Г.А. Бордюгова. М., 2000; Савченко В.Н. Восточная Галиция на историческом перепутье: 1910 – начало 1920-х годов // Регионы и границы Украины в исторической перспективе. М., 2005. – С. 132 – 189 и др.

³⁶ Пылькин В.А. Интернированные турецкие подданные в Рязанской губернии в годы Первой мировой войны и революции // Актуальные вопросы гуманитарного образования: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3 / Под ред. д.и.н., проф. С.В. Демидова, д.и.н., проф. Соколова А.С. – Рязань, 2014. – С. 217 – 229; Тихо-

ди последних можно выделить работы В.В. Познахирева, который внес значительный вклад в изучение истории турецких пленн³⁷.

Данная тематика также связана с историей спецслужб европейских держав накануне и в годы войны, так как одной из причин высылки вражеских подданных и подозреваемых в нелояльности россиян были опасения в массовом шпионаже в пользу противника и стремление обезопасить тыл. Отдельные авторы посвятили свои работы исследованию деятельности российской военной контрразведки в этот период³⁸, германской разведки против России³⁹, а также шпионии в России в эти годы, в атмосфере которой развернулись репрессивные мероприятия против вражеских подданных и россиян, обвиненных в нелояльности⁴⁰.

нов А.В. «Все... поименованные есть турецкоподданные, а потому и были задержаны». Содержание военнопленных и интернированных турецких граждан в период Первой мировой войны (1914 – 1918 гг. // Военно-исторический журнал. № 5. 2013.

³⁷ Познахирев В.В. Турецкие пленники в войнах России за 1677 – 1917 гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Курск, 2012; Он же. Состав, структура и география размещения турецких военнопленных и гражданских пленн³⁸ в России 1914 – 1917 // Первая мировая война в «восточном измерении». Сборник статей. М., 2014. – С. 165 – 199; Он же. «Военнопленные» и «гражданские пленные» Первой мировой войны: к вопросу о содержании и разграничении понятий (на примере подданных Оттоманской империи) // История и археология. 2015. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://history.snauka.ru/2015/04/2105> (дата обращения: 6.06.2016); Он же. Познахирев В.В. Военнопленные Оттоманской Империи в Белгородско-Курском крае в XVIII – начале XX в. СПб., 2013; Он же. Документы федеральных и региональных архивов об использовании труда турецких военнопленных в период Первой мировой войны (1914 – 1918) // Отечественные архивы. 2013. №2. – С. 54 – 62; Он же. Турецкие военнопленные и гражданские пленные в России в 1914 – 1924 гг.: документы, факты, исследования. СПб., 2014 и др.

³⁸ Греков Н.В. Русская контрразведка в 1905 – 1917 гг.: шпиония и реальные проблемы. М., 2000; Зданович А.А. Как «реконструировали» контрразведку в 1917 году // Военно-исторический журнал. 1998. № 3. С. 50 – 58; Он же. Контрразведка царской России в Первой мировой войне: организационные и правовые проблемы функционирования // Великая война: сто лет / под ред. М.Ю. Мягкова, К.А. Пахалюка. – М.; СПб., 2014. – С. 39 – 51.

³⁹ Гилсенен В.М. Германская военная разведка против России (1871 – 1917 гг.) // Новая и новейшая история. 1991. № 2. – С. 133 – 177.

⁴⁰ Фуллер У. Внутренний враг: шпиония и закат императорской России. М., 2009; Греков Н. «Шпиона по роже видать». // Родина. 2014. № 8. – С. 99 – 101; Филюшкин А. Рус, не спи в гробу! Борьба со шпионажем в Первую мировую войну // Родина. 2000. № 10. – С. 55 – 59.

При этом, российские авторы пишут о недооценке деятельности контрразведки в годы войны правящими кругами России при чрезвычайной важности ее работы для безопасности страны в условиях войны, а также подчеркивают тот факт, что шпиономании в годы войны не удалось избежать ни одному из воюющих государств⁴¹, а «необходимость депортации военнообязанных враждебных государств как общепринятая мировая практика, не подлежит сомнению»⁴². Н.В. Греков в своей монографии отметил, что если в предвоенный период арест и высылка военнообязанных враждебных государств и высылка подозреваемых в шпионстве представлялись двумя несвязанными комплексами мероприятий, то «в первые же месяцы войны военные и гражданские власти уравнили высылку военнообязанных Германии и Австро-Венгрии с высылкой лиц, подозреваемых в шпионаже»⁴³.

Зарубежные авторы, в свою очередь, делают акцент на негативных последствиях шпиономании и кампании против неприятельских подданных для имперской элиты России и внутреннего порядка в стране⁴⁴. При этом, отдельные зарубежные исследователи идут еще дальше и пишут, что в идеологии русского контрразведчика периода первой мировой войны лежал «зародыш будущего сталинского сознания»⁴⁵.

Помимо названных ракурсов рассмотрения истории неприятельских подданных в России в годы войны, необходимо упомянуть работы, посвященные московским немецким погромам 1915 г., а также другим насильственным действиям, в которых одним из объектов насилия городских низов и сельского населения стали вражеские подданные и российские немцы⁴⁶.

⁴¹ Зданович А.А. Как «реконструировали» контрразведку в 1917 году // Военно-исторический журнал. 1998. № 3. – С. 51.

⁴² Греков Н.В. Указ. соч. – С. 239.

⁴³ Там же. – С. 238.

⁴⁴ Лор Э. Указ. соч. – С. 196 – 197.

⁴⁵ Фуллер У. Указ. соч. – С. 312.

⁴⁶ Гагагова Л. Хроника бесчинств. Немецкие погромы в Москве в 1915 году. // Родина. 2002. №10. С. 18 – 23; Кириянов Ю.И. «Майские беспорядки» 1915 г. в Москве // Вопросы истории. 1994. № 12. – С. 137 – 150; Рябиченко С.А. Погромы 1915 года. Три дня из жизни неизвестной Москвы. М., 2002; Савинова Н.В. Российский национализм и немецкие погромы в России в годы первой мировой войны (1914 – 1917 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2008; Харламов Н.

Широкую перспективу рассмотрения названных процессов представляют работы современных российских исследователей, посвященные внутреннему положению и процессам в экономике, политической и социальной сферах России в течение периода первой мировой войны. В подобных исследованиях авторы также касаются проблематики борьбы с «немецким засильем», шпиономании и репрессий в отношении неприятельских подданных, которые рассматриваются в более широком историческом контексте⁴⁷.

История Рязанской губернии в годы первой мировой войны начала привлекать внимание исследователей еще в советский период отечественной исторической науки⁴⁸. Однако, интерес к региональному измерению истории Великой войны со стороны историков и краеведов Рязанской области начал нарастать лишь с 90-х годов прошлого века. Это нашло отражение в целой серии публикаций, посвященных разным аспектам данной темы⁴⁹. С 1994 г. в Рязани было проведено несколько научных конференций, приурочен-

Избиение в первопрестольной: Немецкий погром в Москве в мае 1915 г. // Родина. 1993. № 8/9. - С. 127 – 132 и др.

⁴⁷ См. напр.: Булдаков, В.П. Война, породившая революцию / Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. М., 2015; Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2014 и др.

⁴⁸ Фулин Ю.В. Отречемся от старого мира. Рязань, 1987.

⁴⁹ Григоров А.И. Рязанское ополчение в Великой войне 1914 – 1918 годов. Рязань, 2008; Коростелев В.А. Рязанская губерния в годы Первой мировой войны. М., 2013; Кусова И.Г. Благотворительная инициатива в провинции в годы первой мировой войны // Региональная история в российской и зарубежной историографии: Тез. докл. междунар. науч. конф. 1 – 4 июня 1999 года. Рязань, 1999. Ч. II. – С. 21 – 25; Мартиросян Г.А. Армянский батальон в Рязани (1916 – 1918 гг.). Рязань, 2002; Пылькин В.А. От военнопленных к гражданам России: принятие в русское подданство и гражданство военнопленных центральных держав в годы первой мировой войны и революции. // Актуальные вопросы гуманитарного образования. Межвузовский сборник научных трудов. Рязань, 2012. – С. 104 – 111; Он же. Военнопленные Австро-Венгрии, Германии и Османской империи на Рязанской земле в годы мировой войны и революции. М., 2013; Страхов В.В. «Не одолжения просит от вас Родина, а исполнения долга!»: «Заем Свободы» в Рязанской губернии // Третьи Яхонтовские чтения, посвященные 150-летию С.Д. Яхонтова и 120-летию Рязанского музея-заповедника: материалы науч. – практ. конф., Рязань, 12 – 15 окт. 2004 г. Рязань, 2005. – С. 501 – 509 и др.

ных к юбилейным датам начала первой мировой войны⁵⁰. История немцев Рязанского края с недавнего времени также привлекает внимание историков и краеведов⁵¹.

В целом, несмотря на значительное количество работ по данной тематике, необходимо отметить, что кампании против неприятельских подданных и по борьбе с «немецким засильем» на территории Центра России и Рязанской губернии, в частности, которые сопровождались ростом шпиономании и антинемецких настроений, изучены пока недостаточно. Данная работа призвана восполнить этот пробел в историографии и внести посильный вклад в изучение истории России и ее отдельных регионов в эпоху войн и революций.

Монография написана на основе детального исследования широкого круга опубликованных и неопубликованных исторических источников. Комплекс источников по данной теме чрезвычайно обширен, однако многие аспекты правительственной политики в этой сфере и положения неприятельских подданных на территории Центра России получили лишь косвенное освещение в разного типа документах, которые дополняют друг друга. Все многообразные источники, использованные при написании монографии, можно отнести к трем группам: 1) опубликованные документы; 2) архивные материалы; 3) периодическая печать.

Опубликованные документы включают в себя законодательные акты Российской империи, Российского государства периода Временного правительства и Советской Республики, которые представляли собой юридическую основу деятельности государственных и общественных организаций в отношении гражданских пленных и неприятельских подданных в целом⁵². Также к этому виду источников можно отнести межгосударственные договоры и соглашения, заключенные Советской Россией с Германией, Австрией, Венгрией, Чехословакией, Польшей, Турцией и Болгарией. Анализ

⁵⁰ Россия в первой мировой войне: Тезисы межвузовской научной конференции, 4 – 5 окт. 1994 г. Рязань, 1994; Неизвестная Отечественная война 1914 – 1918 гг.: историко-краеведческий аспект (к 100-летию со дня начала войны): сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., 29 – 30 сентября 2014 г./ отв. ред. Ю.В. Гераськин; Ряз. гос. ун-т имени С.А. Есенина, 2014.

⁵¹ Времен связующая нить. Рязанские и коломенские немцы в истории России: Сб. историко-краеведческих материалов / Сост. А.В. Шенк, Н.И. Демпке. Коломна, 2007.

⁵² История российских немцев в документах (1763 – 1992 гг.). М., 1993.

этих документов позволяет рассмотреть вопросы обмена военнопленными и гражданскими пленными во время мирных переговоров Советского правительства с Центральными державами и после заключения Брестского мира, а также условия репатриации после окончания первой мировой войны в целом⁵³.

К опубликованным документам также относятся источники личного происхождения (мемуары, воспоминания, дневники) участников и свидетелей событий тех лет⁵⁴, в том числе деятелей российских и вражеских спецслужб⁵⁵. Последние работы, в том числе написанные главами контрразведок противоборствующих стран, являются попыткой осмысления борьбы со шпионажем противника, принятой уже после окончания войны.

Основной массив архивных материалов по истории неприятельских подданных, находящихся на территории Рязанской губернии, находится в Государственном архиве Рязанской области (ГАРО). В этом архиве были изучены материалы 23 архивных фондов (13 дореволюционных и 10 – периода Временного правительства и Советской

⁵³ Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Сборник документов. Ред. коллегия: С. Дернберг, Х. Зайдевиц, И.Н. Земсков {и др.}. Т. 1 (1917 – 1918 гг.). М., 1968; Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Сб. докум. Ред. коллегия: С. Дернберг, Х. Зайдевиц, И.Н. Земсков и др. Т. 2 (1919 – 1922 гг.). М., 1971; Документы внешней политики СССР. Том Первый. 7 нояб. 1917 г. – 31 дек. 1918 г. М., 1957; Документы внешней политики СССР. Том Второй. 1 января 1919 г. – 30 июня 1920 г. М., 1958; Документы внешней политики СССР. Том Третий. 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. М., 1959; Документы внешней политики СССР. Том Четвертый. 19 марта 1921 г. – 31 дек. 1921 г. М., 1960; Документы внешней политики СССР. Том Пятый. 1 янв. 1922 г. – 19 нояб. 1922 г. М., 1961; Документы внешней политики СССР. Том Шестой. 20 нояб. 1922 г. – 31 дек. 1923 г. М., 1962.

⁵⁴ Болеславский Р. Путь улана. Воспоминания польского офицера. 1916 – 1918 / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М., 2006; Брусилев А.А. Мои воспоминания: Воспоминания. Мемуары. Мн., 2003; Василевский А.М. Дело всех жизни. Кн. 1. М., 1990; Неизданный В.Г. Короленко. Дневники и записные книжки [В 2 т. Т. 1] 1914 – 1918. М., 2013; Пришвин М.М. Дневники. М., 1990; Рид Джон. Вдоль фронта. М., 2015; Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991; Фурманов Д.А. Дневник: 1914 – 1916. – М., 2015 и др.

⁵⁵ Батюшин Н.С. У истоков русской контрразведки. Сборник документов и материалов / Вступ. ст. И.И. Васильева, А.А. Здановича; Комментар., подбор док. и ил. В.К. Былинкина. М., 2007; Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. М., 1964; Николаи Вальтер. Тайные силы. М., 2015; Устинов С.М. Записки начальника контрразведки. Белград, 1922.

Республики). Основное количество документального материала, используемого в работе, вводится в научный оборот впервые.

При написании данного исследования широко использовались материалы периодической печати означенного периода. Прежде всего, это рязанские периодические издания 1914 – 1917 гг. – Рязанские Губернские Ведомости, Рязанский Вестник и Рязанская жизнь. Из них первое являлось официальным изданием, публиковавшим официальные сообщения и указы Российского правительства и губернских властей. Два других представляли собой неправительственные издания, которые позиционировали себя как «внепартийные». Эти газеты содержат ценные материалы, касающиеся проведения кампании против вражеских подданных на общероссийском и губернском уровне, а также освещают пропагандистский аспект этой кампании. Анализ этих изданий позволяет глубже понять роль периодики в формировании общественных настроений среди городского и сельского населения Центра России. К периодике также можно отнести статьи российских писателей⁵⁶, публицистов и мыслителей⁵⁷, современников этих событий, опубликованные в разных изданиях или отдельными сборниками в годы первой мировой войны. Подобные работы, посвященные немецкому и польскому вопросам⁵⁸ и другим проблемам и процессам, создают определенный эмоциональный фон, сопровождавший кампанию против вражеских подданных и по борьбе с «немецким засильем».

В целом, выявленная источниковая база позволяет рассмотреть разные аспекты проведения кампаний против неприятельских подданных и по борьбе с «немецким засильем» в годы первой мировой войны, а также вопросы численности, состава, положения и повседневности гражданских пленных в Рязанской губернии вплоть до их отъезда на родину.

⁵⁶ Кондурушкин С.С. Вслед за войной. Очерки великой европейской войны (август 1914 г. – март 1915 г.). Пг., 1915; Неизданный В.Г. Короленко. [В 3 т. Т. 1]: Публицистика. 1914 – 1916: [сб. ст.]. М., 2011 и др.

⁵⁷ Розанов В.В. Собрание сочинений. Последние листья / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2000.

⁵⁸ Война и Польша. (Польский вопрос в русской и польской печати). М., 1914.